

# **W KRĘGU PROBLEMÓW ANTROPOLOGII LITERATURY**

## **TOPOS DOMU DOŚWIADCZANIE ZAMIESZKIWANIA I BEZDOMNOŚCI**

STUDIA POD REDAKCJĄ

WANDY SUPY I IWONY ZDANOWICZ



BIAŁYSTOK 2016

**Recenzenci:**

prof. dr hab. Ludmiła Łucewicz  
dr hab. Alina Orłowska  
dr hab. Halina Tvaranovitch, prof. UwB  
dr hab. Dariusz Kulesza, prof. UwB

**Projekt okładki:**

**Redakcja i korekta**

Barbara Piechowska (jęz. polski)  
Agata Rozumko (jęz. angielski)  
Iwona Zdanowicz (jęz. rosyjski)  
Bazyli Siegień (jęz. białoruski i ukraiński)

**Redakcja techniczna i skład:**

Bartosz Kozłowski

© Copyright by Uniwersytet w Białymstoku, Białystok 2016

Wydanie publikacji sfinansowano ze środków  
Wydziału Filologicznego Uniwersytetu w Białymstoku

ISBN 978-83-7431-490-0

Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku  
15-097 Białystok, ul. M. Skłodowskiej-Curie 14, (85) 745 71 20  
<http://wydawnictwo.uwb.edu.pl> e-mail: [ac-dw@uwb.edu.pl](mailto:ac-dw@uwb.edu.pl)

Druk i oprawa:

## SPIS TREŚCI

### Topos domu. Doświadczenie zamieszkiwania i bezdomności

<b>Wanda Supa</b> Жилое пространство и менталитет индивида в русской прозе XX – XXI веков	15
<b>Matylda Chrząszcz</b> Samowar jako metafora domu w twórczości wybranych pisarzy rosyjskich XIX wieku	31
<b>Элеонора Шестакова</b> Феноменология бездомности героев мотива <i>русский человек на rendez-vous</i> в русской словесности XIX – первой трети XX вв.	41
<b>Людмила Авдейчик</b> Символика «небесной обители» в поэзии В. С. Соловьева	65
<b>Анна Булгакова</b> Дом и бездомье: топос Дом в пьесе Леонида Андреева <i>Жизнь человека</i>	83
<b>Марина Красильникова</b> Дом и «кочевье» в канунной русской культуре начала XX века	95
<b>Алексей Овчаренко</b> Безбытность в русской литературе 1920-1930-х годов. Постановка проблемы	109
<b>Татьяна Комаровская</b> Функциональная роль архетипов Дома и Дороги в раскрытии характера героини романа Джейн Смайли <i>Частная жизнь</i>	117

<b>Янина Солдаткина</b> Категория «дом/бездомность» в романах М. А. Булгакова и романе М. Петросян <i>Дом, в котором...</i>	123
<b>Надежда Злобина</b> Образ дома у дороги в поэме А. Т. Твардовского <i>Дом у дороги</i>	137
<b>Nadzieja Monachowicz</b> Houses in the Lives of Doris Lessing's Heroines	145
<b>Наталья Ковтун</b> <i>Изба – квартира – перекресток</i> : к вопросу о самоопределении героев в поздних текстах В. Шукшина	161
<b>Ирина Середа</b> Дом и бездомность в художественном мире В. Маканина 1990-х–2010-х	179
<b>Олеся Никитина</b> Дом в сказках Леонида и Ирины Тютчевых <i>Зоки и Бада</i> и <i>Школа зоков и Бады</i>	187
<b>Paulina Charko-Klebot</b> Dom, w którym nie można żyć. Prowincjonalna Rosja oczami niektórych uralskich dramaturgów	195
<b>Grażyna Król</b> „Tylko mi Ziemi całej do życia brak”. O bezdomnościach Andrzeja Babińskiego	209
<b>Beata Morzyńska-Wrzosek</b> Doświadczenie zamieszkiwania bez zadomowienia. Na przykładzie twórczości Julii Hartwig	227
<b>Marta Niedziela-Janik</b> Interpretacja motywu bezdomności w utworze Olega Pawłowa <i>Koniec wieku</i>	245
<b>Сергей Преображенский</b> Зимородок-гальциона как символ утраченного и обретаемого дома	259

**Святлана Лясовіч**

Канцэпт «дом» у сучаснай беларускай прозе (на матэрыяле раманаў Альгерда Бахарэвіча, Юрыя Станкевіча) 267

## **Doświadczanie przestrzeni**

**Neonila Pawluk**

Печаль воспоминаний... Пространство – время – телесная проксемиа в рассказе *Поздний час* Ивана Бунина 279

**Вера Шульган**

Перехрестя шляхів: життєві та поетичні дороги І. Я. Франка 289

**Наталья Кнэхт**

Антропология взгляда: человек в меняющейся городской среде, новые формы чувственного опыта и борьба за читательское внимание 297

**Ілона Смаглій**

Міфологічний, реальний і віртуальний світи в поезії Світлани Йовенко 307

**Юрий Подковырин**

Смысловые параметры художественного пространства в современной русской драме 317

**Елена Гулевич**

Монтаж как повествовательный принцип в рассказе А. Бирса *Добей меня* 333

**Ірина Кропивко**

Речовий світ людини у створенні метафоричного художнього простору у творах С. Поваляевої *Ексгумація міста* та М. Туллі *Сни й камені* 345

**Анна Кононова**

Полярная энтропия светоизображения в живописи белорусских художников рубежа XX–XXI веков 363

**Елена Лепишева**

Сценическое время-пространство новейшей русскоязычной драмы Беларуси 377

**Ирина Середа**

Белорусский государственный университет, Минск

## Дом и бездомность в художественном мире В. Маканина 1990-х–2010-х

Вопрос об укорененности человека в доме (и шире – доме-мире) приобретает все большую социально-философскую значимость в XX–XXI веках. Наиболее полно он разрабатывается в философской системе экзистенциализма (К. Ясперс, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и др.), представители которой поставили под сомнение укорененность человека в мире, вписанность в бытие, заявив, что он оказался отчужденным от мира людей и вещей, посторонним (А. Камю), и сосредоточили внимание на его метафизической бездомности.

По мнению Т. Марковой, в конце XX века кардинально меняются «параметры существования человека в мире» – он «выталкивается на поверхность жизни, лишается возможностей углубленного существования, в нем усиливается ощущение неблагополучия, неприкаянности и неосуществимости личности»<sup>1</sup>. Одной из наиболее актуальных в условиях переходной культурно-исторической эпохи становится проблема дома и бездомности, которая активно освещается представителями современной русской литературы. Важное место образ дома и проблема его отсутствия занимают и в прозе Владимира Маканина.

По словам В. Иванцова, «концепт дом – базовая метатекстовая образно-понятийно-символическая константа всего творчества Маканина»<sup>2</sup>, которая определяет структуру большинства произведений писателя 1970-х – 1980-х гг. В соответствии с традиционными представлениями, дом человека – это «средоточие основных жизненных

---

<sup>1</sup> Т.Н. Маркова, *Проблема человека в литературе рубежа XX-XXI веков*, [в:] *Антропологическая парадигма в филологии. Ч. 1. Литературоведение*, ред.-сост. Л.П. Егорова, Ставрополь 2003, с. 356-357.

<sup>2</sup> В.В. Иванцов, *Пространственно-временная организация художественного мира В.С. Маканина*, Санкт-Петербург 2008, с. 169.

ценностей, счастья, достатка, единства семьи и рода»<sup>3</sup>. Идеальный дом у Маканина – «это оплот мирового космоса, пространство свое, отгороженное, безопасное, задающее гармоничную упорядоченность вещей в бесконечном (вечном) времени»<sup>4</sup>. И если в маканинских произведениях 1970-х–80-х гг. идеал еще может быть воплощен в жизнь, то в перестроечные и постперестроечные времена, когда происходят существенные социально-экономические сдвиги, его достижение мыслится почти невозможным, и в прозе Маканина 1990-х–2010-х гг. происходит нарастание значимости оппозиции «дом – бездомность».

В повести *Лаз* (1991) Маканин рисует апокалиптическую картину господства на Земле безликой агрессивной толпы, которая угрожает всему живому. Дом, а точнее квартира с «зашторенными окнами» (одна из многих)<sup>5</sup>, вразрез с традиционными представлениями, становится небезопасным местом. По мнению главного героя, Виктора Ключарева, в месте, которое прежде называлось домом, в сложившихся обстоятельствах уже нельзя выжить, вот почему жители бегут из своих квартир и из города. Для него новым домом, безопасным, светлым и комфортным становится идеальный подземный мир, наполненный Словом. Однако и там он обосноваться на постоянное жительство не может, потому что его большой сын туда по физиологическим причинам через лаз не пролезет. Третьим возможным домом и вариантом безопасного убежища оказывается вырытая Ключаревым пещера (землянка?), где он надеется спастись с семьей, однако вероятный дом разрушен толпой. Таким образом,

Ключарев представляет собой человека, для которого функции «дома» разделены между верхом и низом, в связи с чем он испытывает на себе притяжение обоих пространств и перемещается между ними без возможности остановиться в каком-либо одном<sup>6</sup>.

Метафорически это непрерывающееся движение можно рассматривать как процесс постижения героем своего внутреннего дома, истинной сущности и места в сошедшем с ума мире.

«Картину бездомья, временного, промежуточного жилья»<sup>7</sup> Маканин нарисовал уже в ранних произведениях, став, по словам Л. Ан-

<sup>3</sup> А.Л. Топоров, *Дом*, [в:] *Славянская мифология*, Москва 1995, с. 168.

<sup>4</sup> В.В. Иванцов, *Пространственно-временная организация...*, с. 117.

<sup>5</sup> В. Маканин, *Лаз*, Москва 2009, с. 342.

<sup>6</sup> В.В. Иванцов, *Пространственно-временная организация...*, с. 161.

<sup>7</sup> А.Г. Прокофьева, В.Ю. Прокофьева, *Пространство в прозе В. Маканина*, [в:] *Анализ художественного произведения в аспекте его пространственных характеристик*, Оренбург 2000, с. 126.

нинского, «колумбом» барака<sup>8</sup>. Если в прозе раннего периода в бездомном положении оказываются лишь некоторые герои, то в текстах 1990-х–2010-х гг. такой способ существования преобладает.

Живут в бараке и персонажи рассказа *Наше утро* (цикл *Квази*, 1993). Традиционно дом-барак у Маканина – символ усреднения: быть как все безопасно, а любое выбивание из ряда чревато неприятностями. Назвать его домом в традиционном смысле вряд ли возможно, это скорее промежуточное жилье, или антидом, ставший местом объединения случайных людей, не родственников. Кто живет в бараке-общежитии?

Семьи, правда, без детей. Лимита. Люди из дальних краев, они получили временную московскую прописку. А проработав три года подряд (в некоторых договорах — пять лет), получают постоянную, что и означает уже москвичи. Однако три эти года – работа под землей. Они роют котлованы для метро: подсобные рабочие широкого профиля<sup>9</sup>.

Присматривает за ними комендант Стрекалов. Кроме своих прямых обязанностей, он активно реализует личные желания: воскресным утром выгоняет мужчин «на работу по уборке вокруг дома», а сам (вместо утренней зарядки) занимается сексуальной эксплуатацией женщин-лимитчиц. По Маканину, в таких условиях шансы на получение постоянного жилья у рабочих невелики, если не минимальны, потому что по жалобе коменданта человека наверняка выгонят из Москвы, и один временный дом сменится на другой.

В промежуточном, временном жилье обитает и герой романа *Андеграунд, или Герой нашего времени* (1998) Петрович. Петрович – писатель, бывший «агэшник» (производное от «андеграунда»), ныне бомж, в силу перемен и обстоятельств оказавшийся сторожем в общежитии. Своей квартиры у персонажа нет («Ушел из семьи. Укатился. Колобок»<sup>10</sup>; «двадцать с лишним лет.. в поисках теплого жилого угла»<sup>11</sup>, но есть охраняемые квадратные метры часто путешествующих жильцов, которыми активно пользуется Петрович. По мнению Н. Алексеевой, у Маканина «общага» – «явление всепроникающее, пожалуй, даже ментальное. Это не только образ жизни, но образ

<sup>8</sup> Л. Аннинский, *Структура лабиринта: Владимир Маканин и литература «срединного человека»*, [в:] В. Маканин, *Избранное*, Москва 1987, с. 7.

<sup>9</sup> В. Маканин, *Квази*, «Новый мир» 1993, № 7, с. 142.

<sup>10</sup> В.С. Маканин, *Андеграунд, или Герой нашего времени*, Москва 2008, с. 82.

<sup>11</sup> Там же, с. 515.



мыслей, чувствований, тип усредненного сознания, срединной (безличностной) психологии»<sup>12</sup>. Безусловно, с одной стороны, нищета персонажа и отсутствие у него дома – показатели его свободы и независимости от социальной системы, не-принадлежности к усредненной массе. Верно заметила А. Латынина: «В мире, где торжествует «сюжет усреднения», этот герой усреднению изо всех сил противится. В мире, где идет муравьиная война за кусочек жизненных благ, он демонстрирует абсолютное презрение к ним»<sup>13</sup>. С другой стороны, бездомность создает условия, способствующие возникновению сложных жизненных проблем (два убийства, изгнание из общажного «роя», пребывание в ночлежке и психиатрической больнице, обман Ловянникова). Как показывает Маканин, Петрович, будучи свободной, самодостаточной личностью, все-таки смог выжить и не сломаться, несмотря ни на что, во многом, конечно, благодаря Слову (Литературе).

Гораздо более трагичной оказалась судьба его родного брата Вени. Венедикт Петрович – андеграундный «человек рисующий»<sup>14</sup>, который еще в студенческие годы попал в клинику на «лечение от инакомыслия»<sup>15</sup>. Гениальный Веня – всеобщий любимец, достойный подражания в авангардном мастерстве и остроумии, но человек, оказавшийся «в ловушке своего собственного чувства превосходства над людьми: в ловушке своего “я”»<sup>16</sup>, пребывающий в психушке по указу КГБ и залеченный до потери «я». Теперь он абсолютно свободен от влияния власти и социума, в отличие от Петровича, у него даже есть постоянное место жительства, своеобразный дом, однако цена этому – утраченный разум: «интеллект взрослого человека насильственно погрузили в детство»<sup>17</sup>.

Центральные персонажи рассказа *Кавказский пленный* (1994) и романа *Асан* (2008) также оказываются бездомными ввиду того, что помещены автором в ситуацию войны. Рубахин, Вовка, Гуров (*Кавказский пленный*), как и все русские офицеры и солдаты, – пленные на кавказской земле, чужие. Эту мысль озвучивает местный воин Али-

<sup>12</sup> Н.В. Алексеева, *Горьковский «след» в романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени»*, [в:] Максим Горький – художник: проблемы, итоги и перспективы изучения, Нижний Новгород 2002, с. 230.

<sup>13</sup> А. Латынина, *Легко ли убить человека? Литература как великий вирус*, «Литературная газета» 28 апреля 1998, с. 12.

<sup>14</sup> В.С. Маканин, *Андеграунд...*, с. 90.

<sup>15</sup> Там же, с. 95.

<sup>16</sup> Там же, с. 94.

<sup>17</sup> Там же, с. 116.

бек в разговоре с Гуровым: «Шутишь, Петрович. Какой я пленный... Это ты здесь пленный! – Смясь, он показывает на Рубахина: – Он пленный. Ты пленный. И вообще каждый твой солдат – пленный!»<sup>18</sup>. Приехавшего из «степи за Доном» Рубахина горы – в своей немой торжественности и величавости – не отпускают. Берут в плен, как и война. В смысловом итоге рассказ становится историей русского пленника на Кавказе, а не наоборот. Но Рубахина не радует такая бессмысленная кровавая жизнь, он тоскует по родине, в мечтах солдата постоянно возникает желание вернуться домой, и, значит, надежда на обретение дома есть. Такое впечатление оставляет финал.

У Саши Жилина – Асана (*Асан*), дом на войне также отсутствует, потому что его семья осталась на родине. При этом обретение дома, дома-семьи, становится главной целью и смыслом военной жизнедеятельности героя. Асан Сергеевич приспособился к «рыночной» войне, которая становится единственным местом и способом зарабатывания денег для реализации мечты: построить дом на берегу реки для жены и дочки. Он снабжает армию горючим, выполняя свой долг и при этом скромно забирая одну десятую часть себе за гарантию доставки. Дом уже строится, поэтому воссоединение с семьей в скором времени возможно, однако Маканин лишает героя такой возможности, предписывая ему смерть в финале романа. За все в этой жизни рано или поздно приходится платить, и трагический исход является тому подтверждением.

Ощущая абсурдность переходной реальности, в повести *Буква «А»* (2000) Маканин поселяет своих персонажей в лагерь для заключенных. Зеки (и шире – жители страны, которую символизирует лагерь) не бездомны, их дом (страна) – тюрьма. По Маканину, такой дом, а точнее антидом, не созидающий, а разрушающий своих обитателей, хуже всякого бездомья. Длительное пребывание в строгих рамках общежития, где ущемляются человеческие права, где отсутствуют законы гармоничного сосуществования людей, приводит к тому, что внутренний мир обитателей дома-тюрьмы подвергается необратимым изменениям, что приводит к деградации, а последующее освобождение оказывается не внутренним, а только внешним:

В каком-то смысле мы уже останемся в лагере. Все мы. За колючкой. Даже когда ее снесут. А наружу вылезут только чувства. Чувствишеч-

<sup>18</sup> В. Маканин, *Кавказский пленный*, Москва 2004, с. 21.

ки, неизбежно присущие запертым и кучно живущим людям. Мстительность... Ревность... Алчность...<sup>19</sup>.

Прощаясь с антидомом, разрушая и засоряя его, бывшие жильцы не проявляют ни капли жалости в ответ на бесконечную безжалостность со стороны режима:

Их не заботило и им не болело, что павшие столбы и проволока – их столбы и их проволока. И что земля – их земля. Здесь была их боль. Здесь была их униженность. И пусть здесь другие, следующие живут, а мы загадим. А уж мы засрем. Облегчимся – и тем облегчим злую память<sup>20</sup>.

Процесс мнимого освобождения зафиксирован, однако приведет ли это к обретению персонажами себя и своего внутреннего дома – неизвестно.

Сюжет произведений из книг *Высокая-высокая луна* (2004) и *Ис-нуг* (2006) в большинстве случаев разворачивается в подмосковном дачном поселке, где нашел пристанище протагонист Петр Петрович Алабин. По ночам старик бродит по дачному поселку в своих поисках, а днем спит. Как дошел до жизни такой? О его прошлом мы знаем очень мало. Были жены (три), дети, даже внуки. Теперь он – один. Из Москвы перебрался сюда сторожить чужую дачу. Нет у Петра Петровича машины, денег, но есть дача, которую ему в дар послал Бог. И благодаря этому подарку он не устает любить, продлевая таким образом свою жизнь. И любовь он получает в дар. Кстати, в башкирском и татарском языках слово «alaba» обозначает «награждение, жалование, награда». Этим можно объяснить выбор фамилии героя.

В одном из интервью автор так охарактеризовал своего героя:

Вот мой герой. Нет у него машины, нет особых денег. Но он живет на даче. И ему хватает. Он считает, что лето и домишко-дача – дар, который на нашу мерзлую землю послали боги. Ему послали. Лично ему!.. Знаете поговорку? Бог посмотрел, как холодно в России, и придумал здесь лето и дачу. И всего-то благодаря этому подарку небес (в общем-то, скромному) мой герой Петр Петрович не устает любить – продлевает свою жизнь и не сдается. Увы, многие мужчины моего поколения сдались обстоятельствам и возрасту... Жизнь вдруг стала бессмысленной...<sup>21</sup>.

<sup>19</sup> В.С. Маканин, Буква «А», [в:] *Собрание сочинений*, Москва 2002, Т. 4, с. 295.

<sup>20</sup> Там же, с. 305-306.

<sup>21</sup> «Я не убивал их»: интервью В. Маканина «Российской газете», [online], <http://www.rg.ru/2008/06/05/makanin.html>, [25.06.2014].

Однако дача может восприниматься лишь как дом временный, промежуточный, что накладывает на жизнь героя отпечаток социальной неустроенности. И счастье, таким образом, у Алабина временное, и запоздавшая любовь краткосрочна. По сути, бытие старика носит в большей степени драматический характер постоянной борьбы со смертью, с социальной несправедливостью. Не случайно, умирая, он несколько раз повторяет вопрос, риторический по сути своей: «А жить мне было не больно?»<sup>22</sup>.

Героини романа *Две сестры и Кандинский* (2011), сестры Ольга и Инна, интеллигентки, шестидесятницы, одинокие мечтательницы и идеалистки, дочери советского диссидента, обитают в унаследованной от отца художественной студии «Кандинский». Воспитанные в окружении андеграундных художников, они «выпадают» из социума, живут в своем мире, полном романтизма и высоких чувств, вероятно, поэтому наиболее подходящим вариантом дома для них в постсоветские годы оказывается дом-студия, где такому миру и таким людям есть место. Из всех окружающих людей в финале произведения рядом с сестрами остается только бездомный Коля Угрюмцев, получивший ранее приют в студии двух сестер. Маканин рисует его самым порядочным, мудрым и симпатичным из представителей сильной половины человечества и «прописывает» в доме-студии в качестве достойного сожителя, который может скрасить одиночество сестер и стать объектом любви и заботы. Финал романа драматичен: ожидания обмануты, достойных претендентов на любовь нет, надежда и доверие к людям отсутствуют. Но есть дом, обитель искусства и возвышенных чувств, и, по Маканину, это свидетельствует о том, что жизнь продолжается.

Таким образом, на рубеже XX-XXI вв., в период социальных и мировоззренческих потрясений, Маканин создает произведения, герои которых испытывают острую нехватку безопасного дома-семьи, где царят стабильность, добро и любовь, где возможна полноценная гармоничная человеческая жизнь. Некоторые его персонажи оказываются бездомными по воле судьбы, другие сознательно предпочитают существовать на уровне «дна», третьи обитают в антидоме, четвертые – в пространстве, адаптированном под дом, пятые пребывают в постоянном поиске лучшего места для жизни. При этом всегда в маканинском мире бездомность связана с экзистенциальной неукорененностью в бытии.

<sup>22</sup> В.С. Маканин, *Коса – пока роса*, [online], [http://magazines.russ.ru/novyi\\_mi/2004/11/mak1.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2004/11/mak1.html), [28.01.2014].

**SUMMARY****Home and homelessness in V. Makanin's art world of 1990–2010s**

The problem of home and homelessness, which is particularly important in modern historical, social and cultural processes, is examined on the basis of V. Makanin's prose of 1990–2010s. The image of home and the problem of its lack are considered in his works of the early period in a traditional manner. In the late Soviet and post-Soviet periods these aspects of writer's art world are updated in a new way according to changes in the socio-economic situation. The opposition "home – homelessness" becomes more important and finds new meanings (literal and figurative) in V. Makanin's prose of 1990–2010s ("Manhole", "Underground, or A Hero of Our Time", "Asan", "Letter A", "Fright", "Two Sisters and Kandinsky", etc.) and is being realized in different types of home.

Keywords: hero, home, homelessness, rootedness, space, barrack, intermediate housing, anti-home.

Ключевые слова: герой, дом, бездомность, укорененность, пространство, барак, промежуточное жилье, антидом.